по-видимому, оставался в этой должности еще в феврале 1766 г.[5] Затем он получил повышение и стал камер-лакеем. В феврале 1767 г. в официальном отношении Академической типографии его именовали придворным квартирмейстером, а из письма той же типографии об истребовании с Чулкова денег за печатание «Мифологического лексикона» явствует, что 13 сентября 1767 г. адресат находился в Москве.[6] Если точность указаний о должности Чулкова при дворе вообще может быть подвергнута сомнению, так как вряд ли кто-либо, кроме администрации Придворной конторы, придавал значение разнице между лакеем и камер-лакеем, то звание квартирмейстера сомнений не вызывает. Это подтверждается решением Герольдмейстерской конторы от 23 апреля 1770 г. в связи с поступлением Чулкова в Сенат «О бытии уволенному от двора квартирмейстеру Михайле Чулкову у дел в Сенатской канцелярии с переименованием в чин коллежского регистратора».[7] По новому придворному штату 1768—1769 гг. квартирмейстер считался в чине подпоручика;[8] так что в Сенат Чулков поступил с чином меньшим, чем полученный при отставке; чин коллежского секретаря он получил только в 1773 г. Появление квартирмейстера Чулкова в Москве в 1767 г. объясняется совершенно просто. Летом, 30 июля, открывалась Комиссия по составлению Нового уложения, и двор заранее, еще весной, переехал в Москву. Это был первый этап намеченного до заседаний Комиссии путешествия императрицы и наследника по Волге. Но в начале апреля Павел тяжело заболел[9] и не участвовал в казанской поездке, которую Екатерина совершила одна. В Петербург двор возвратился только в феврале 1768 г.

Таким образом, ода была написана и поднесена Чулковым в Москве, и это прослеживается в ее тексте.

Новый год приветствует прежде всего Москва, «град священный» (строфы 1, 4); она же «простирает руки», в то время как Нева, т. е. Санкт-Петербург, лишь «внемлет звук» похвал правнуку Петра I; Москва «превышает» в этот день весельем все остальные области России (строфа 10). Намерение автора своим песнопением «отгнать печалей тусклу тень» является явным намеком на минувшую болезнь Павла. Стихи «Любовию к тебе горя, Послушные тебе моря Насытиться хотят днесь славы» обращены к нему как к номинальному генерал-адмиралу русского флота. Не забывает Чулков и о самом важном событии года — «Наказе», когда говорит о том, что Екатерина II, «Прияв

---

[5] Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря русских писателей эпохи Екатерины II. (На основании документов Архива Конференции Академии наук). СПб., 1914, с. 132.

[6] Там же, с. 133.

[7] ЦГАДА, ф. 286, д. 561, л. 105.

[8] ЦГИАЛ, ф. 469, оп. 14, д. 10, л. 6 об.

[9] Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901, с. 68.